

Александр Яковлев

Мертвые
не забыли

Александр Яковлев
Мертвые не забыли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70188004

SelfPub; 2023

Аннотация

Наши дни. Война. Последний день командировки молодого немецкого специалиста на Украине.

Александр Яковлев

Мертвые не забыли

Валерии Драгуновой, с благодарностью за вдохновение.

Гузель Бариевой, с благодарностью за труд.

Машину тряхнуло на яме, и Ларс покрепче взялся за поручень. Он не понимал, о чем говорили солдаты, ехавшие вместе с ним, но их громкий смех перебивал шум мотора. Ларс улыбнулся своим мыслям. Командировка заканчивалась, остались считанные дни до возвращения в Германию. Ему, конечно, нравились эти славные ребята, но дом есть дом.

– Не так уж и страшно было, да? – будто прочитал его мысли Алекс – переводчик, сидевший напротив.

– Работа такая, – усмехнулся Ларс.

– Так оставайся, – предложил переводчик, – Нам здесь нужны толковые ребята, умеющие обращаться с техникой.

Ларс пожал плечами.

– Есть порядок, – возразил он. – У меня контракт.

Алекс засмеялся:

– Ordnung ist das halbe Leben!¹

Ларс улыбнулся в ответ. Ему очень повезло с этим укра-

---

¹ Порядок – основа всей жизни! – нем.

инцем: тот опекал немецкого специалиста всю командировку. Ларс прекрасно понимал, какой объем организационных вопросов взял на себя Алекс, чтобы западный инструктор мог полностью сосредоточиться на обучении солдат. И догадывался, как непросто решать вопросы в воюющей стране.

– Мы отлично поработали! Надеюсь, у ребят все будет получаться, – Ларс кивнул на смеющихся солдат.

– Ты хороший специалист, – судя по интонации, Алекс говорил искренне. – Надеюсь, я не слишком переврал то, что ты рассказывал, – украинец дружески подмигнул собеседнику.

– Главное, я думаю, все запомнили, – немец слегка наклонился к переводчику и громким театральным шепотом произнес, – систему «свой-чужой» надо включать до выстрела, а не после!

Украинец расхохотался.

Немецкая система противовоздушной обороны IRIS-T, работе с которой приехал обучать Ларс, оказалась совершенно не похожа на военные комплексы, оставшиеся еще с советских времен и до сих пор использовавшиеся украинской армией. Но он надеялся, что европейский инженерный подход не помешает местным ее освоить, а сама система достойно покажет себя в реальном бою.

Один из солдат обратился к Алексу. Ларс не понимал по-украински, но видел, что переводчик начал спорить. Солдат настаивал на своем, бросая косые взгляды на немца. Наконец

Алекс махнул рукой и повернулся к инструктору.

– Слушай, не обижайся, – начал он, – но ребята просят у тебя кое о чем узнать.

Немец заметил, что разговоры в бронемашине стихли и все солдаты смотрели на него.

– Все нормально, валяй, – Ларс догадывался, о чем будет вопрос.

– Во время войны, Второй Мировой, кто-то из твоих предков воевал? И где?

Переводчик чувствовал себя не в своей тарелке. Ему не хотелось давать ни малейшего повода для конфликта между инструктором и солдатами. На секунду он пожалел, что старший офицер остался на точке, где установили систему ПВО и не мог приструнить своих подчиненных.

Немец пожал плечами и ответил:

– Все нормально, Алекс. Ничего плохого в вопросе нет.

Напряженное лицо переводчика немного расслабилось.

– Оба моих деда родились в пятидесятые и не застали войну. Мой прадед по отцовской линии служил на восточном фронте, но он умер, когда я был совсем ребенком. Если он что-то и рассказывал о войне мне, маленькому карапузу, ползающему по ковру у его кресла-качалки, то я этого совсем не помню.

Переводчик кивнул. Повернувшись к солдатам, он начал говорить по-украински, пересказывая ответ Ларса. Слушатели задумчиво кивали. «Похоже, с уходом ветеранов мы за-

будем о той великой войне, – подумал немец. – Останутся только главы в учебнике истории».

Он прислонил голову к броне и закрыл глаза. Звуки незнакомого ему языка и шум мотора накладывались друг на друга и сливались в единый гул. Усталость и напряжение последних дней давали о себе знать. Веки отяжелели, и, несмотря на тряску по ухабистой грунтовке, Ларс погрузился в сон.

Его резко швырнуло вперед, и все тело пронзила боль. Он открыл глаза, но по-прежнему ничего не видел. Внезапно стало очень жарко, в ушах возник оглушительный звон. Не понимая, что происходит, лишенный зрения и слуха, охваченный нестерпимой болью, он начал пробираться к двери. Нашупав запоры, Ларс попытался открыть их. Левая рука не слушалась, каждое движение делало боль острее.

Наконец дверь распахнулась, и инструктор вывалился из кузова машины. Все еще ничего не видя, Ларс попытался встать на четвереньки. Получалось использовать только правую руку, левая от плеча до кончиков пальцев превратилась в комок пульсирующей боли. Запах горячей резины заполнил ноздри, перебивая вкус крови во рту.

Следуя первобытному инстинкту, Ларс хотел убраться как можно дальше от этого места. Не думая ни о чем, он просто медленно отползал от груды железа, внутри которой чуть не погиб. После нескольких неловких движений раненый обессилел и потерял сознание.

Голова жутко трещала. Он лежал на спине, глядя в тем-

невшее закатное небо. На любую попытку пошевелиться левая рука отвечала острой болью. Губы и нос были разбиты, подбородок покрывала запекшаяся кровь.

Ларс застонал и, с трудом перевернувшись, поднялся на четвереньки. Земля под ним едва заметно дрожала. Звон в ушах исчез, стали слышны раскаты далекого грома. Кроме этих тяжелых звуков, вокруг царила неестественная тишина.

Встав на колени, Ларс посмотрел на бронемашину, в которой недавно ехал с отрядом солдат. Она продолжала дыбиться, превратившись в черный остов с обугленными трупами внутри. Спасать из нее кого-то было уже поздно. Едкий дым щипал глаза, и по щекам Ларса потекли слезы. Он остался один, раненый, в незнакомом месте. С любой стороны мог появиться враг. Военный инструктор совершенно не представлял, что делать дальше.

С трудом встав, он попытался осмотреться. По нему не стреляли, и если не считать далекой канонады, то противник пока никак себя не проявлял. Бронемашина догорала, поживиться в ней чем-нибудь полезным уже не получится. Если оставаться на месте, то в конце концов за ним кто-нибудь придет – свои или чужие с равными шансами.

Впереди, по направлению движения машины, Ларс разглядел какие-то строения. Решив, что вряд ли водитель вез их через позиции противника, он медленно поковылял в ту сторону.

Когда он дошел, солнце уже скрылось за горизонтом. Ларс

оказался среди разрушенных бомбежкой домов и воронок от взрывов. Не было ни одного целого здания, только остатки стен и рухнувшие крыши. Люди уже давно оставили это место, деревня стояла посреди полей молчаливым напоминанием о жестокости войны.

Хрустя битым стеклом под ногами, Ларс начал искать более-менее подходящее укрытие для ночлега. Сюда мог прийти разведотряд, и немцу совсем не хотелось оказаться обнаруженным тепловизором. А судя по нарастающему грохоту, раздававшемуся с той стороны, откуда он приехал, артиллерия противника обстреливала позиции украинцев в преддверии штурма. Где-то там осталась и система противовоздушной обороны с обученными Ларсом солдатами...

Инструктор вздохнул. Боль в левой руке не утихала, а у него, как назло, не было с собой никаких лекарств. Ларс подозревал перелом, и не один. Аккуратное прощупывание показало, что, по крайней мере, осколки кости не торчат наружу.

Стараясь придерживать травмированную и болтающуюся, как плеть, конечность, он шел среди руин. На землю медленно опустилась ночь.

Сквозь облака слабо светила луна. Ларс спрятался в непроглядно-черной тени у стены разрушенного дома. Грохот артподготовки вдали не стихал ни на минуту, но со стороны дороги звуков не доносилось. Осознавая свою беспомощность, Ларс чувствовал себя спокойнее, зная, что вокруг

никого нет. Возможно, думал он, стоило попытаться счастья и попробовать двигаться ночью.

Внезапно сверху раздался грохот, и тысячи огоньков загорелись в ночном небе – как будто все звезды собрались в одну тучу и вместе начали медленно спускаться на землю. Тусклый свет лился вниз, превращая тьму в сумерки. Грохотнуло еще раз, потом еще. Рядом с первым звездопадом расцвели другие. Неторопливо, словно сквозь желе, огоньки летели к земле. Упав, некоторые тухли, а другие продолжали гореть маленькими костерками, шипя химикатами.

Ларс поежился, ему показалось, что температура резко упала. По телу пробежали мурашки. Он немного вылез из своей щели, подгоняемый безотчетным страхом, и стал вглядываться в зияющие тьмой развалины домов.

По улице шел человек. Пошатываясь, нетвердой походкой, он приближался к Ларсу. Магний, пылающий, как слезы падших ангелов, выжигал тьму в скелетах домов, но лицо незнакомца невозможно было разглядеть. Когда до него оставалось меньше нескольких метров, тьма, прятавшая человека, как саван, в одно мгновение рассеялась.

Ларс остолбенел, но уже через секунду развернулся и бросился наутек, подвывая от ужаса. Не обращая внимания на боль, он что было сил бежал по развалинам. Увиденное не могло быть реальностью, не могло существовать на самом деле и от этого пугало еще сильнее. Ларс убежал от кошмара.

В тот момент, когда плащ теней упал, он увидел молодую

девушку, одетую в старую военную форму. Ее когда-то темно-зеленая рубашка посерела, пуговицы утратили блеск, истлел и вытянулся ремень. Юбку и высокие сапоги покрывала засохшая грязь.

Голова девушки лежала на плече. Вокруг сломанной шеи обвилась веревка с висельным узлом. Длинные русые волосы спускались до талии вместе с толстыми прядями оборванной гниющей пеньки. На юном лице застыло выражение ненависти, в больших глазах горело черное пламя ада. Она умерла очень давно, но сегодня пришла за Ларсом.

Инструктор не собирался останавливаться. Не веря в потусторонние силы, Ларс пытался спастись от того, в чем чувля смертельную опасность. Прыгая по бетонным блокам, подстегиваемый адреналином, он преодолел большую часть деревни. Вдали за домами темнели деревья, под ветвями которых можно было скрыться от плачущего огнем неба.

Внезапно Ларс поскользнулся и кубарем полетел в огромную воронку от снаряда. Несколько раз перевернувшись, он замер в луже грязной воды на дне ямы. Боль в левой руке сводила с ума. Из глаз текли слезы. Нелепо барахтаясь, он попробовал подняться, но ноги не слушались.

Распластавшись на спине, он поднял взгляд вверх и увидел два силуэта, стоявших у края. У Ларса закружилась голова, ему показалось, что на него смотрят дети.

Еще один взрыв прогремел в небе, и химический свет залил все вокруг. Наверху, рядом с воронкой, действительно

стояли, взявшись за руки, двое детей. Мальчик и девочка, лет, наверное, пяти-шести, со спутанными светлыми волосами, в длинных грязных рубахах. Кровь из открывшейся на лбу раны заливала Ларсу глаза, и он не заметил ни того, как дети начали спускаться в яму, ни пулевых отверстий на их серых лицах.

Холодные маленькие пальцы вцепились в теплую плоть. Ларс попытался закричать, отбросить детей здоровой рукой, но сил не осталось. Ледяные ладошки давили на его шею, пока в легких не закончился воздух.

Дергаясь в предсмертной агонии, он уже не мог видеть, как на краю воронки появилась девушка со сломанной шеей. С жестокой улыбкой она наблюдала за судорогами умирающего Ларса.

Прошло несколько секунд. Немецкий солдат затих, и небо перестало гореть. Вдалеке все никак не смолкала артиллерийская канонада. С земли поднялись тени и укутали мертвецов. На время.